

К. Клеман, О. Мирясова

От обывателя к активисту: *трансформация фрейма* (исследование жилищного движения в Астрахани)

Идущая в России реформа ЖКХ ставит людей перед выбором: либо самим взяться за управление своим многоквартирным домом, либо ничего не делать и надеяться, что как-нибудь “все образуется”. При втором варианте риск очень велик, поскольку государство перекладывает ответственность за состояние домов на частные управляющие компании (УК). В ситуации, когда контроль со стороны жителей отсутствует, открывается простор для злоупотреблений и недобросовестного управления домом. При организации в доме самоуправления риск быть обманутым меньше, однако трудностей больше. Самоуправление требует от жильцов усилий и активности, а также готовности к взаимопониманию, доверию и принятию на себя ответственности.

Стоит подчеркнуть, что в движении жилищного самоуправления участвует очень небольшая часть населения. Основная масса жителей пассивна и консервативна, занимает выжидательную позицию в отношении государственных ведомств, от которых ждет заботы и руководства. Очень многие не приходят на собрания по выбору способа управления домом. Если жители все же выбирают способ управления домом, чаще всего это оказываются бывшие ЖЭК, ДЕЗ и т. п., то есть частные управляющие компании, созданные на их базе: видимо, люди надеются, что государство проконтролирует созданные им же самим структуры, не осознавая, что оно уходит из жилищной сферы. Некоторые протестуют (на улице или на кухне) против реформы и отказа государства от ответственности. И лишь очень небольшая группа населения пытается активно использовать новый Жилищный кодекс и брать управление домом в свои руки. Они и являются движущей силой жилищного самоуправления. От их позиции, деятельности, численности во многом зависит то, как и в чьих интересах будет реализована жилищная реформа, а в некотором смысле – и перспектива самого гражданского общества в России.

Поэтому мы выбрали в качестве главного объекта нашего исследования жилищных активистов. В ходе экспедиций в несколько городов России мы целенаправленно обследовали те дома, где есть хотя бы какая-то инициатива жителей по участию в реформе управления многоквартирными домами.

Астрахань в авангарде

В Астрахань мы поехали, уже зная, что активность жителей здесь выше, чем в среднем по стране. К июлю 2007 года почти 40% многоквартирных домов города перешли на непосредственное управление – против 2,58% в целом по России.

Широкому распространению жилищного самоуправления в Астрахани способствуют: наличие сильного и популярного политика-лидера (О. Шеин), плачевное состояние жилищного фонда, горизонтальные связи между активными жителями.

Астрахань – это уникальный случай по нескольким параметрам. Во-первых, такой активности (снизу и без вмешательства городской власти) в выборе формы управления не встречается нигде. Во-вторых, жители в массовом порядке выбирали самую редкую форму управления – непосредственное управление (НУ). О возможности выбора НУ власти обычно либо вообще умалчивают, либо утверждают, что эта форма нереализуема в больших многоквартирных домах (больше 10–15 квартир). В результате население информировано о ней очень плохо.

Представители большинства НУ-домов в Астрахани входят в общегородскую общественную организацию “Союз жителей”, возглавляемую тремя сопредседателями – В. Ворониной, Л. Ковалевой и О. Шеиным (создана в конце 2006 года). В других изученных нами городах жилищное самоуправление в основном держится на активности отдельных индивидов – “подвижников”. “Подвижники” сталкиваются с пассивностью большинства жильцов (а иногда даже с попытками воспрепятствовать нововведениям) и активным сопротивлением со стороны внешних контрагентов (местная власть и коммунально-жилищные службы).

Учитывая распространенность в Астрахани непосредственного управления домами, а также развитость низовых жилищных инициатив, мы рискуем назвать Астрахань городом, находящимся в авангарде движения жилищного самоуправления.

Согласно положениям нового Жилищного кодекса жители должны выбрать одну из трех форм управления многоквартирными домами: товарищество собственников жилья (ТСЖ), непосредственное управление (НУ) или управляющую компанию (УК). ТСЖ – это форма коллективного самоуправления через формирование юридического лица и выбор руководящего органа – правления; НУ – это форма коллективного управле-

ния способом голосования на очных или заочных общих собраниях и выбора уполномоченных дома; УК – это форма опосредованного управления путем выбора специализированной компании. В основном эти формы различаются между собой степенью причастности жителей к управлению (при УК – в меньшей степени, при НУ – в большей степени) и типом отношений с поставщиками услуг.

Как обыватели становятся жилищными активистами

Рассмотрим подробнее процесс общественной активизации людей, а именно – процесс превращения “обывателей” в “активистов”. Мы исходим из того, что доминантный (обычный) стиль мышления и поведения (то, что Ирвинг Гофман называет “фрейм” [Гофман. 2004]) – это “обывательский” стиль. Однако в какой-то момент некоторые люди начинают действовать в противоречии с доминантным фреймом.

Интервью и наблюдения показывают, что большинство этих людей еще недавно не мыслили себя участниками какой-либо коллективной деятельности, но за относительно короткий срок мир этих “начинающих активистов” буквально “перевернулся”, вплоть до того, что они сами себя с трудом узнают. Показательна фраза одного из участников конференции жилищного движения: *“А это все при том, что всего год назад я был еще нормальным человеком!”* Мы считаем ее типичным эмпирическим проявлением “рефрейминга”, или фрейм-трансформации.

Отсюда возникает ряд вопросов: что должно произойти в жизни человека, чтобы он так изменился, какие существуют общественные условия для такого перехода, что зависит от самого человека, от фактов его биографии, личностных качеств, ближайшего окружения?

Мы рассмотрим детально все аспекты того, что мы называем “рефрейминг”, или “фрейм-трансформация”, но для начала следует обосновать наш выбор терминов для обозначения фреймов. “Обывателями” сами активисты называют неактивных жителей; противопоставление “активистов” и “обывателей” звучит во многих интервью. Более того, говоря о своем прошлом, многие активисты сами себя описывают в терминах, которые обобщенно можно свести к понятию “обыватель”. Термин “активист” мы взяли для обозначения измененного фрейма, основываясь на самоидентификации респондентов. Причем они употребляют это слово спонтанно, не задумываясь, что полностью соответствует понятию фрейма.

По данным Федеральной антимонопольной службы (итоги общероссийского мониторинга рынка услуг по управлению многоквартирными домами за II квартал 2007 г.), 34,27% собственников жилья до сих пор не выбрали способ управления. А среди тех, кто с этим уже определился, большинство предпочло ДЕЗы. В домах, где выбор уже сделан, 2,58% от общего объема жилищного фонда управляются непосредственно собственниками, 15,08% – ТСЖ, ЖСК или иными специализированными потребительскими кооперативами, и 48,07% – управляющими организациями, в том числе частными

УК и ДЕЗами. Однако к этим официальным данным стоит относиться с долей скептицизма. ФАС сама отмечает, что выбор формы управления во многих случаях проводится в нарушение законодательства, и муниципальные власти навязывают “свои” УК. Мониторинги, проводимые жилищными объединениями многих регионов, свидетельствуют о большом количестве фальсификаций со стороны местных властей и ДЕЗов при выборе формы управления. В действительности по собственной инициативе выбрала форму управления домом очень небольшая часть населения.

Методология: кейс-стади, наблюдение, интервью и беседы

Поскольку мы концентрируем внимание на микропроцессах – переменных в биографии, установках, ситуативных изменениях на уровне сообщества жителей, – то считаем возможным опереться в основном на изучение случаев (кейс-стади). Мы выбрали в качестве объекта исследования “начинающих” активистов, чтобы, анализируя их истории, попытаться разобраться в процессе “рефрейминга”.

Полевая работа заключалась в основном в многочисленных беседах с жителями домов, интервью с активистами-“подвижниками” и наблюдениях. В Астрахани вступать в беседы с жителями было намного легче, чем в других городах. Нам удавалось без особого труда посещать квартиры, свободно говорить с людьми на скамейках, детских площадках, общаться во время коллективных встреч. Этому способствовала, скорее всего, “южная культура” жителей и более высокая степень общительности людей, которые уже включены в инициативы по самоорганизации. Всего было проведено 24 неформальных интервью такого рода.

Интервью с “подвижниками” через некоторое время, после завоевания симпатии и доверия, также переходили в беседу, причем нередко – в коллективное общение между социологом и членами инициативной группы. Главное отличие таких бесед и общения от обычных интервью и фокус-групп – позиция социолога, который сам включен в жилищное движение, тоже может что-то рассказать о реформе ЖКХ и явно сочувствует собеседнику. В итоге участники бесед достаточно открыто рассказывали о своем жизненном пути, личных переживаниях, успехах и неудачах.

Исследователи присутствовали на двух субботниках, на одном собрании инициативной группы, на двух общих домовых собраниях, на одном общем совещании Союза жителей и на общероссийской конференции движения “Жилищное самоуправление”.

В качестве объектов “кейс-стади” были выбраны четыре дома, жители которых перешли на непосредственное управление. Сбор информации проводился с 22 апреля по 2 мая 2007 года; собранные данные уточнялись в середине июля и в конце сентября.

Дома, выбранные для наблюдения, расположены в разных районах города; все они – примерно одного времени постройки (середина 1970-х годов). До передачи в НУ дома находились примерно в одинаковом состоянии и нуждались в капитальном ремонте (крыши, коммуникации, стояки, подвалы). Между собой эти четыре дома отличаются по форме организации самоуправления, по времени выбора НУ и по степени активности жителей и причастности их к самоуправлению.

Анализ фреймов как метод изучения общественной активизации

В отличие от “закоренелых” активистов, для понимания мотивации которых больше подходит анализ мировоззренческих принципов и ценностей, “начинающие” активисты – а это основная масса – включаются в общественную деятельность, движимые соображениями практического смысла или эмоциями. То есть активизация многих людей происходит в определенном контексте (при определенных внешних условиях), в непрерывной взаимосвязи с практиками и мало рефлексруется – по крайней мере на начальных этапах деятельности.

Поэтому важной составляющей процесса активизации является “рефрейминг”, или трансформация фрейма. Опираясь на теорию, изложенную И. Гофманом в работе “Анализ фреймов”, мы попытаемся порассуждать об условиях, этапах и содержании процесса трансформации фреймов. Такой подход тем более уместен в нашем исследовании, что, хотя и в несколько ином понимании, он используется в теориях коллективных действий. В рамках данных теорий акцент делается скорее не на процесс изменения фреймов, а на фрейм-деятельность, то есть на то, как люди, уже ставшие активистами, и в первую очередь лидеры, занимаются конструированием, распространением и институционализацией (стабилизацией) определенных активистских фреймов¹.

Это помогает осмыслить второй этап фрейм-трансформации – когда закрепляются изменения фрейма.

Наконец, теория Гофмана своим отличием от ультрасубъективистских теорий этнометодологов (для которых социальная реальность конструируется свободными действующими субъектами) напоминает, что привычный фрейм – жесткая матрица, которая мало поддается внешним воздействиям. Геннадий Батыгин (автор вступительной статьи к русскому изданию книги Гофмана) формулирует “теорему Гофмана” так: “Попробуйте определить ситуацию неверно, и она определит вас” [Гофман. 2004]. Эта формула несколько утрирует структуралистскую составляющую теории Гофмана, однако позволяет понять, почему активистский фрейм остается маргинальным в российском обществе.

Общественными активистами чаще всего становятся люди, оказавшиеся в ситуации относительной депривации. И тут добавляется еще одно существенное препятствие для трансформации фрейма: социальное неравенство перед заданными фреймами. Как отмечают многие теоретики (неомарксисты в частности), лица, лишённые власти, обычно живут в привычных рамках субординации (подчинения). Для того чтобы они поставили эти рамки под сомнение, необходимы почти чрезвычайные условия.

¹ В теориях коллективных действий существует два основных подхода к фреймам. Школа мобилизации ресурсов трактует фрейм-деятельность как инструмент для достижения стратегической цели движения и исходит из того, что она ведется в первую очередь лидерами. Основные понятия: “культурный фрейминг” или “когнитивное освобождение” – “culture framing” or “cognitive liberation” (Mc Adam), см.: [McAdam, McCarthy, Zald. 1996]. С точки зрения школы культурного процесса, культура является не только инструментом освоения правил, но и задает рамки коллективных действий (что ближе теории Гофмана). Поэтому успешная “фрейм-деятельность” должна находить отклик (resonance) у публики или сочетаться с доминантным фреймом. См.: [Rhys. 2004].

Тем не менее, если новые субъекты коллективных действий встречаются и изменения их фреймов имеют место, значит, фрейм-трансформация возможна. Наша задача – выяснить, при каких условиях и как она происходит.

Общая схема фрейм-трансформации

К общей схеме фрейм-трансформации мы пришли после первичного анализа информации, собранной в Астрахани.

Предполагается, что люди в массе своей живут обычной обывательской жизнью, то есть не заботятся о каких-то общих делах и не готовы жертвовать своим личным временем для общественной деятельности. Эти люди действуют в рамках обывательского фрейма, конкретное содержание которого зависит от рассматриваемой сферы (жилищной, трудовой и т. д.).

Некоторые из “обывателей” при определенных условиях либо под воздействием определенного события начинают по-другому смотреть на ситуацию и меняться сами (это первый этап трансформации фрейма на *графике 1*). Происходит изменение, а иногда и слом “обывательского” фрейма. Ситуация предполагает наличие проблемы коллективного свойства – ухудшение положения группы людей, нарушение коллективных прав. Но это – фоновая ситуация, сама по себе она не делает человека активистом. Обычная реакция на нее относится еще к фрейму “обывателя”: искать способы “выкрутиться”, писать письма, обращаться к “нужным людям”, ругаться на кухне или около подъезда и... ничего не делать. Для трансформации фрейма необходимо еще и изменение взгляда на ситуацию. Этому может способствовать какое-то значимое событие личного либо общественного характера, которое произвело бы сильное впечатление на человека. Кроме того, для оспаривания фрейма нужны определенные условия, стечение обстоятельств.

Понятно, что процесс трансформации обыденных практик и смысловых ориентиров человека зависит от того, как долго он остается активистом, как часто взаимодействует с другими участниками и насколько плотно включен в “активистскую” сеть. Можно довольно уверенно предположить, что если

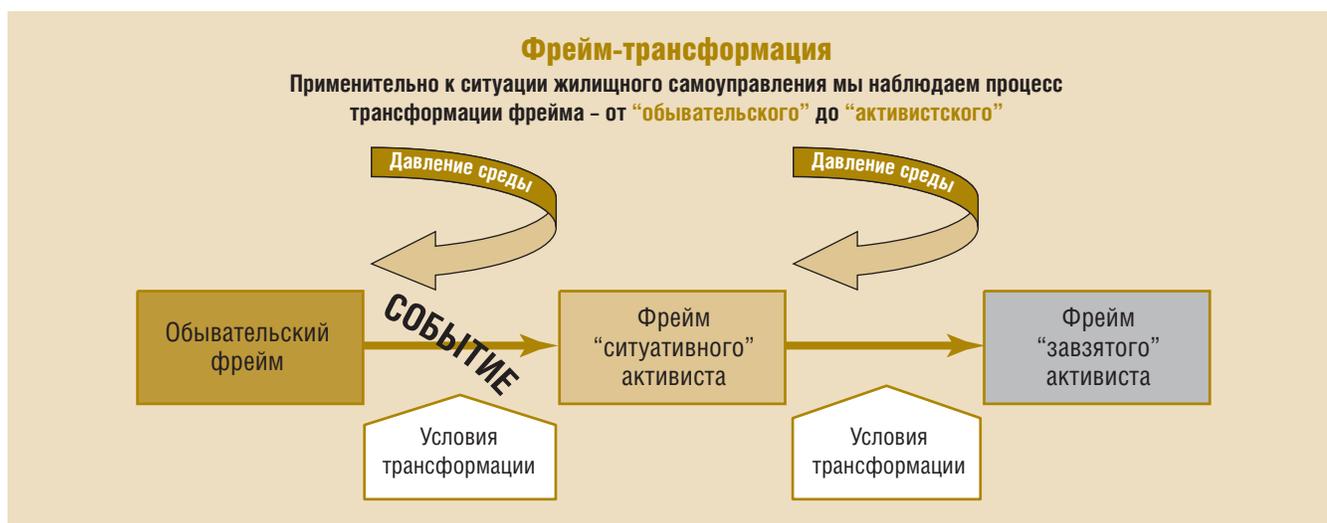

График 1

человек – “завязтый” активист, основательно “встроенный” в сети, то он уже с трудом может вернуться к прежнему образу жизни. Он будет мечтать о жизни “обывателя” (это часто звучит в интервью), которая представляется ему “царством спокойствия и беззаботности”, но от общественной деятельности не откажется.

При этом не стоит забывать о привлекательности “обывательского” фрейма, который более привычен и общественно признан. Трансформации фрейма препятствует целый ряд явлений, обозначенных на схеме как “давление среды”. Когда человек становится активистом, он нередко подвергается осуждению или насмешкам со стороны окружающих, в первую очередь – со стороны членов семьи, если те остались в привычном фрейме “обывателей”. Официальная пропаганда нередко представляет активистов “экстремистами”, “радикалами” или просто “идиотами”. А поскольку активисты немногочисленны, они не в состоянии существенно повлиять на взгляды основной массы населения. Однако сила “давления среды” уменьшается по мере трансформации фрейма: чем дольше продолжается и привычнее становится активистская жизнь, тем меньше ощущается эта сила.

Речь идет об укреплении активистского фрейма, его стабилизации, что предполагает некоторую степень институционализации (когда участники активистской группы или сети начинают следовать одним и тем же правилам) и “рутинизации” активистской деятельности. Это второй этап трансформации на схеме, который также предполагает наличие определенных условий.

“Рефрейминг” как составляющая процесса формирования активистов жилищного самоуправления

Исследование в Астрахани дало прекрасную возможность изучить процесс формирования самоуправляющихся сообществ. Первое, что бросается в глаза, – положительная оценка самоуправления основной массой жителей домов, выбравших НУ. Второй важный момент – огромное количество препятствий (в первую очередь исходящих извне – от властей всех уровней и предприятий ЖКХ) на пути к НУ. Осуществить жилищное самоуправление очень трудно. Третий момент – конфликтная составляющая процесса, часто принимающего формы противостояния. Без коллективной мобилизации переход к самоуправлению во многих домах был бы невозможен. Однако несмотря на конфликт, а во многом даже благодаря ему жители (сначала узкая инициативная группа либо “подвижники”, а затем, под воздействием силы примера, все больше людей) подключаются к коллективной борьбе и коллективному творчеству.

Коллективная борьба понимается нами как коллективные действия, ориентированные на преодоление препятствий, созданных внешними акторами и внутренними разногласиями среди жителей, на пути к осуществлению общей цели – жилищному самоуправлению. Именно опыт борьбы, самоорганизации и участия в коллективных обсуждениях общих проблем сплачивает соседей, приносит людям осознание коллективных полномочий и прав и превращает – по крайней мере некоторых из них – в сформировавшихся активистов.

Непосредственное управление (НУ) – форма управления домом, которая признана Жилищным кодексом, но очень поверхностно в нем описана. Были предприняты попытки упразднить эту форму через внесение поправок в Жилищный кодекс, однако они до сих пор не приняты. Непосредственное управление отличается от других форм управления хозяйством дома следующими основными признаками: жители управляют своим домом напрямую, то есть без посред-

ника заказывают работы, контролируют их выполнение и платят подрядчикам или обслуживающим фирмам; с коммунальными службами они напрямую заключают индивидуальные договоры. Управляет домом высший орган НУ – общее собрание собственников (без обязательного создания юридического лица), исполняет его решения уполномоченный дома, помогает ему общественный совет дома, домком или любой другой коллективный орган.

Посмотрим, как происходит каждая стадия “рефрейминга”, то есть превращения жителей-обывателей в жилищных активистов, в субъектов самоуправленияющихся сообществ и коллективных действий.

От обывательского фрейма к фрейму “ситуативной” активности

Обывательский фрейм отличается иждивенческим настроем по отношению к общим делам. Обыватели надеются, что государство или другие люди решат все проблемы без их участия. Некоторые могут эпизодически проявлять активность, направленную в основном против деятельности “подвижников”, которым они не доверяют, подозревая их в стремлении “обогатиться за счет других”. Такие “оппозиционеры”, распространяющие сплетни, устраивающие скандалы и пишущие доносы, есть практически во всех домах. Они, конечно, мешают, “действуют на нервы” активистам самоуправления, но представляют собой реальное препятствие только в том случае, если их становится много, они объединяются и сами становятся союзниками внешних агентов (местной власти, УК или ЖЭК). В астраханском поле мы нашли гораздо меньше внутренних оппозиционеров, чем в других городах, и они были достаточно изолированы.

Плачевное состояние ЖКХ и жилищная реформа являются фоном, который сам по себе еще не делает человека активистом. Люди по-разному информированы, более или менее компетентны, по-разному рассматривают и определяют новую ситуацию, реагируют на нее. Например, одни не замечают никаких реформ ЖКХ, другие до последнего верят в заботу государства, которое, как им представляется, в любом случае не даст дому рухнуть, предоставит квартиру или переселит, третьи думают, что “в случае чего” переедут в другой дом или купят новую квартиру. Кто-то читает Жилищный кодекс, пытается вникнуть и пишет письма “наверх” о том, как должна пройти реформа ЖКХ. Некоторые ограничиваются жалобами и пересудами с соседями. А небольшая часть жителей (среди которых – домохозяйки, пенсионеры, бизнесмены, люди разных профессий) становятся самостоятельными субъектами коллективных действий. Что этому способствует?

Во-первых, как мы уже отмечали, очень важную роль играет значимое событие, которое приводит к изменению взгляда на ситуацию. В нашем поле такие события случались и в биографиях людей, и в окружающей среде. Среди первых – потеря близких родственников (отсюда – желание заняться полезным делом, чтобы *“окончательно не озвереть”*) или выход на пенсию (*“я не могу так сидеть дома, мне надо чем-то заниматься”*). Среди вторых – получение “зацепившей” человека информации (несколько жильцов назвали чтение газеты “Житель”), знакомство с людьми, уже имеющими опыт активных действий (сеть самоуправляющихся домов в Астрахани хорошо развита), возникновение прямой угрозы для дома (вот-вот развалится, угроза сноса).

Событие служит толчком к началу процесса активизации. Обывательский фрейм оспаривается, но альтернативный – еще не укреплен, остаются “пережитки” прежнего фрейма. Это первый этап трансформации фрейма, в результате которого человек становится “ситуативным” активистом.

В обследованных астраханских домах, да и в целом в большинстве известных нам случаев активизация происходила следующим образом: нашлись один или два-три инициатора, которые собрали информацию о реформе ЖКХ и испугались перспективы передачи управления домом в руки неизвестной частной компании. Затем они отправились искать специалистов и компетентных людей вне дома, после этого – сторонников среди соседей, способных или желающих помочь. Возникла инициативная группа, которая начала распространять информацию среди жильцов и организовывать собрания. Далее жители действовали в рамках процедуры выбора формы управления домом, закрепленной в Жилищном кодексе.

Рассмотрим факторы, влияющие на переход к ситуативной активности.

Способствует активизации в первую очередь появление единомышленников и помощников среди соседей, создание команды. Вот как высказывается одна пенсионерка о начале процесса.

“Я, конечно, до этого много читала в газетах, ну и сначала неправильно поступила – обратилась к одному, другому: как наш дом будет переходить, какими путями? И к жильцам подходила – все просто ждут, что кто-то должен взять (и не только в наших домах) и повести за собой. Вот у нас взяли наши мужчины, которые сильные, вот они и стали таким коллективом, и пригласили меня быть замом”.

Продолжают трое пенсионеров из инициативной группы этого же дома.

“Мы проходили по каждой квартире дома, прошли по всем жильцам дома, поговорили и взяли данные, вплоть до телефона, у каждого собственника дома! Мы искали того, кто мог бы стать уполномоченным, и вот нашли его”.

Уполномоченный, предприниматель по роду деятельности, подтверждает.

“Я вообще тогда не был в курсе. А вот приходят ко мне эти трое, представились, уговаривали. Я согласился, потому что мне стыдно смотреть на наш дом неухоженный, и хотелось бы просто своим товарищам по несчастью чем-нибудь помочь. Финансовая сторона не играла роли, хотелось начать, чтобы было не стыдно пригласить кого-нибудь в гости. Одно из моих условий было, чтобы инициативная группа мне помогала, потому что мне по роду деятельности иногда приходится уезжать, и мне спокойно – люди знают, что делать. Они меня уговорили”.

Жители рассказывают, что они как будто “другими глазами” стали смотреть на своих соседей. Они знают теперь друг друга по имени-отчеству, появилось взаимное уважение.

Большое значение имеют первые – даже самые незначительные – положительные результаты активизации, будь то удачное собрание или приятное общение, расширение круга знакомств. Вот как описывают активисты первый в доме воскресник и первые результаты ремонта.

“Мы переживали, что друг не придут. А когда все вышли, в 9 часов люди стали друг за дружкой выходить – и дети, и взрослые, и старики... И вот, бабушка сказала, что такое впечатление, как будто проснулись люди после двадцатилетнего бодуна. И когда они все вышли на воскресник и взялись за работу около дома, с такой инициативой, с таким азартом, с таким желанием изменить все! Минимум – 80% наших жителей. Мы считали, не вышли только те, кто работал. Так нам понравилось”.

“Когда увидела, как стал выглядеть подъезд, это было такое счастье: наконец-то не стыдно в гости звать!”

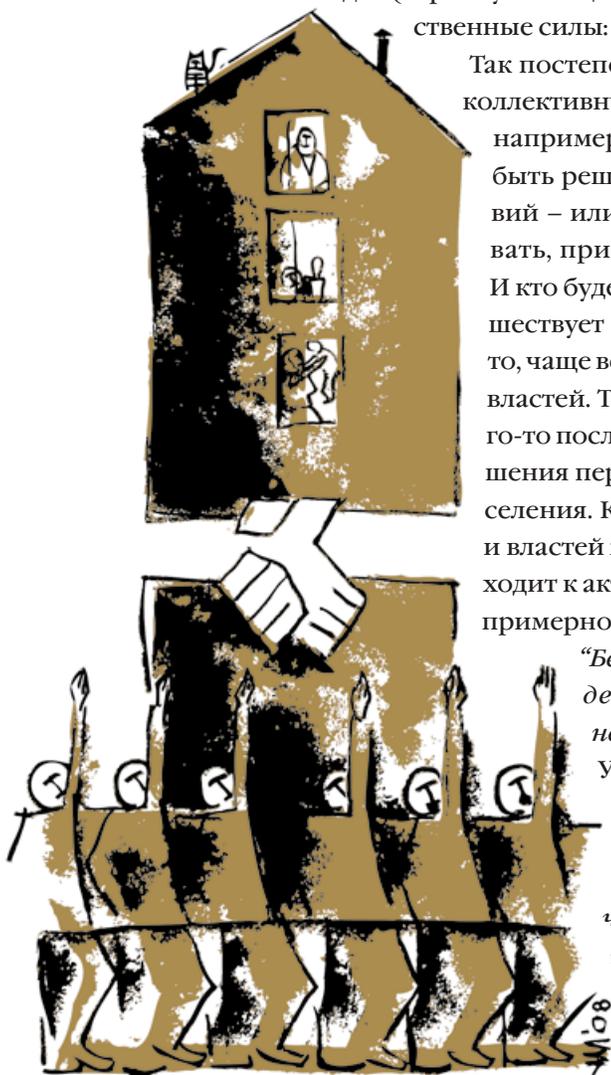
Оказывают влияние положительные примеры – в других домах и даже городах (через публикации в газетах и Интернете). Они вселяют уверенность в собственные силы: если другие смогли, то и я могу хотя бы попробовать.

Так постепенно меняется восприятие ситуации: человек осознает коллективную проблему (ухудшение технического состояния дома, например), она его беспокоит, он понимает, что проблема может быть решена (это не “природный катаклизм”, а результат действий – или скорее бездействия – людей), надо начинать действовать, причем действовать сообща, поскольку проблема общая. И кто будет действовать, если не я? Этим переменам обычно предшествует период выжидания, когда люди ждут действий от кого-то, чаще всего – от жилищно-коммунальных контор либо местных властей. Терпение лопается у одних раньше, у других позже: у кого-то после нескольких “отписок” из ЖЭКа, у кого-то – после обрушения первого балкона или прихода судебных приставов для выселения. Когда становится ясно, что помощи не будет, а от ЖЭКа и властей ждать приходится только неприятностей, человек переходит к активным действиям. Здесь логика жилищных активистов примерно одинаковая.

“Беда нашего народа в том, что все ждут, что кто-то придет и поведет людей за собой. Мы решили никого не ждать”.

У человека меняется взгляд на окружающих, на ситуацию и на самого себя.

“Люди заняты своими проблемами, но я думаю, это со временем пройдет... Сложно перестроиться, большую часть жизни мы прожили при советской власти, а там немного было смещение ценностей, а вот переход на новые рельсы... Ну, даже самого себя приходится ломать, но при всем этом мы меняемся, и даже в лучшую сторону. Хотя пока это незаметно”.

“Приходится ломать себя” – о чем это говорит, если не о сломе прежнего “фрейма”?

Но есть и факторы, которые мешают переходу к “ситуативной” активности. Часть из них сознательно формируется различными контр-акторами.

В качестве контр-акторов выступают органы местной власти, которые не желают отказываться от контроля над денежными потоками в сфере ЖКХ. В Астрахани противодействие мэрии было особенно сильно на первоначальном этапе, с марта 2005 года (момент вступления Жилищного кодекса в силу) до конца 2006 года, когда стало очевидно, что волну переходов домов на непосредственное самоуправление уже не остановить. Об этом рассказала уполномоченная одного из первых домов, перешедших в самоуправление.

“Очень долго препятствовала городская администрация: то одного документа нет, то другого. Все не хотела нас внести в реестр домов, перешедших на НУ. Пришлось биться, мы несколько месяцев проходили по всем кабинетам. Помог наш депутат. Через него мы обратились в прокуратуру. И прокуратура осудила городскую администрацию за препятствование исполнению Жилищного кодекса. Но и то они продолжали нам ставить палки в колеса...”

Другой контр-актор – частные управляющие компании или бывшие ЖЭКи, тесно взаимодействующие с мэрией. Активистка приводит пример навязывания ЖЭКом своих услуг.

“Как они узнали, что создана инициативная группа, – из ЖЭКа позвонили, пригласили на собрание. Им нужно было, чтоб мы с ними заключили договор на обслуживание, и нас пугали, что если мы этого не сделаем, мы уйдем по конкурсу на управляющую компанию. Они нам принесли листы для голосования, хотели, чтобы мы выбрали их. Нас успокаивали – ну как, мол, вы с нами были, так все и остается. Но мы стали читать, интересоваться, разбирались, и тогда мы поняли, что ЖЭК нас просто фактически немножко обманывает. Он лукавит, как бы сказать, да. Лукавит, потому что мы могли, собственно говоря, и сами, как мы сейчас, этими деньгами распоряжаться, или мы фактически отдаем деньги, и потом будем ходить и за эти деньги с них каждый раз требовать: а вы нам вот это сделайте, а вы вот нам это, а вот у нас там течет. А еще, ко всему прочему, еще нет вероятности, что они это сделают, потому что мы уже созвонились, вот там у нас есть пример из другого дома. Пригласили сюда уполномоченного. Так она в течение восьми месяцев с ними мучилась. Она все нам рассказала, как у них происходит с ЖЭКом, и мы поняли, что ничего из этого хорошего не выйдет. Просто на чужих ошибках с ЖЭКом – мы решили не повторять этих ошибок”.

В отличие от многих других городов, где жилищное движение слабое, в Астрахани ЖЭКам действовать сложнее из-за обширной сети жилищных активистов и из-за плохого технического состояния домов. А жильцам легче противостоять агитации ЖЭКов и угадать в услужливом поведении не заботу о них, а материальную заинтересованность и значит – желание оставить все как было.

Жилищный кодекс также воспринимается жителями как препятствие на пути самоуправления – из-за его противоречивости, неточности формулировок, оставляющей большое пространство для интерпретаций.

“Господ, которые составили этот Жилищный кодекс, я бы их оштрафовала за этот труд. Сколько вреда-то нанес! Почему каждая строчка может читаться и так, и так?” (из интервью с председателем ТСЖ в Перми).

“В Жилищном кодексе с этим разнообразием как разобраться, как со всем этим справиться? Но депутаты сами этим не занимаются, а законы составляют. Если бы они этим занимались, в нашем кругу, они бы другие законы составляли!”

Конкретный пример привел астраханский активист.

“Принят Думой кодекс, на основании этого у нас городская организация издала постановление, в котором помимо всего сказано, что районная администрация должна передать образовавшемуся правлению техническую документацию. В этом постановлении четко написано о районной администрации, и мы дошли до уровня передачи нам документации: нам нужна документация, мы понимаем, что для организации осушения подвала нам необходимо посмотреть кое-что, по техпаспорту. Мы обратились официально, они ответили – обращайтесь в ЖЭК. Мы туда написали три письма, но нам не дают. После этого обратились в администрацию, а нам сказали, что там нету документации – получается замкнутый круг!”

Наконец, огромной проблемой оказывается капитальный ремонт и риски, проистекающие из новой жилищной политики, которая обязывает собственников квартир осуществлять такой ремонт за свой счет. Люди боятся брать дом на самоуправление без проведения капитального ремонта и считают, что отказ государства от ответственности за то, что капремонт не был сделан вовремя, – очередной обман населения. Вот несколько наглядных цитат.

“Государство сначала довело дом до ветхого состояния, затем передает нам развалюху на самоуправление, да еще говорит: ремонтируйте ее за свой счет и несите ответственность за нее!”

“Это непорядочно, мы взяли на управление этот дом, администрация, которая передает нам этот дом, должна передать нам его в нормальном состоянии. 35 лет дому нашему – ни разу капитальный ремонт не был сделан”.

Однако поскольку все вышеупомянутые препоны чинятся внешними акторами, они могут не только препятствовать активизации жителей, но и служить стимулом для коллективной борьбы, спланировать жителей против внешних оппонентов. По мере того как усиливается давление на “начинающих” активистов, они приходят к осознанию столкновения интересов: с одной стороны, интересы своего дома и его жителей, с другой – интересы властей и жилищных фирм.

“Цель у них одна – зарабатывать деньги”.

“Кровью и потом выбиваем деньги, а родной ЖЭК, мэрия, правительство? От них нет ничего!”

Так среди активистов укрепляется уверенность, что они действуют в интересах дома, и они проникаются чувством своей правоты. Наконец, под воздействием сопротивления властей рушатся иллюзии о “заботе” государства, и люди начинают брать ситуацию под свой контроль.

“Конечно, мы сначала пытались сделать капремонт за счет бюджетных денег, но пришли к выводу, что пока будем ждать, дом окончательно придет в упадок, и взялись за это сами”.

“Обидно, конечно... но что делать? Не ждать же сложа руки, пока дом развалится!”

“По плану предстоит еще борьба за выбивание денег из бюджета хотя бы на капремонт крыши”.

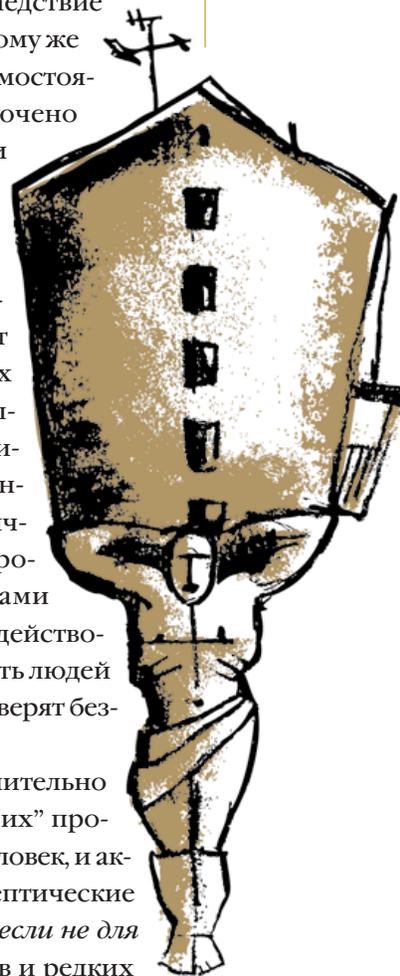
Несмотря на реформу, ЖЭКи не собираются перестраивать принципы своей работы. В одном случае жители дома выбрали НУ, но решили нанять в качестве обслуживающей организации бывший ЖЭК (который был преобразован в ООО) – при условии, что будет подписан предложенный ими договор обслуживания и открыт специальный субсчет для их дома. ЖЭК согласился только через год после начала переговоров. Однако спустя месяц жители констатировали, что в работе ЖЭКа ничего не изменилось, договор не соблюдается, а субсчет на дом еще не открыт. Жители собираются идти до конца.

“Мы будем отстаивать свою точку зрения в свете новых договорных отношений. Ни на йоту от них не отступим. Мы начали новую жизнь, и вы тоже перестраивайтесь!”

Когда препятствия рассматриваются как проявление враждебных жителям сил, действующих своекорыстно, “незаконно” и “несправедливо”, они скорее склоняют людей к борьбе. Когда же они рассматриваются как следствие деятельности “знающих”, “компетентных”, “заботящихся” и к тому же “всемогущих” субъектов, это ведет к отказу от активности и самостоятельного управления домом. Поэтому чем больше людей включено в коллективные действия, чем больше у них сторонников среди авторитетных людей, чем больше доверия между жителями – тем меньше шансов у внешних акторов остановить процесс.

Для российского общества характерен низкий уровень доверия между людьми – за исключением специфического доверия внутри групп “своих” [Хлопин. 2007]. Отсюда проистекает недоверие к людям, которые пытаются действовать в интересах всех жителей, – такой альтруизм у некоторых просто не укладывается в голове и вызывает подозрения. Тем более, если активисты все делают на добровольной основе. Скептически настроенные соседи начинают искать “подводные камни”, источники личной выгоды активистов. Если при этом власть или ЖЭК распространяют информацию о мошенниках или другими способами пытаются внести раздор между жителями, скептики начинают действовать еще более активно. Поразительно, как трудно бывает убедить людей в добропорядочности их собственных соседей и как легко люди верят бездействующим чиновникам.

Однако нужно признать, что в Астрахани эта проблема значительно менее актуальна, чем в других российских городах. “Внутренних” противников самоуправления было очень мало – всего несколько человек, и активно они ничему не препятствовали. На собраниях звучали скептические высказывания (“все равно обманут”, “зачем они это делают, если не для того, что заработать деньги для себя?”), но дальше выкриков и редких

отказов платить по новой системе дело не шло. Это говорит о том, что в домах, уже два года живущих в условиях самоуправления, процесс активизации зашел довольно далеко и установился климат доверия.

Фрейм “ситуативной” активности: основные характеристики

В результате описанного выше процесса часть жителей становятся “ситуативными” активистами. Мы подразумеваем под этим термином шаткое состояние активности, не ставшей еще для человека “образом жизни”. Ситуативные активисты дистанцируются от “обывательского” фрейма, однако альтернативный фрейм в их сознании еще не укреплен. В Астрахани “ситуативных” активистов оказалось особенно много в доме, который всего лишь несколько месяцев назад перешел на непосредственное управление, а также в доме, где уполномоченный создал свою обслуживающую фирму и поставил обслуживание дома на профессиональную основу.

“Ситуативные” активисты определяют ситуацию как позволяющую решить проблему (управление домом) при условии, что “мы” (активные жильцы) будем ее решать.

- “Ситуативные” активисты испытывают страх перед последствиями своей активизации: *“А вдруг не получится?”; “А вдруг будет еще хуже?”; “Очень сильно боялись”;* *“Буквально не спали ночью от переживаний”.*
- Они ощущают неуверенность в собственных силах и испытывают сомнения в правильности своего выбора: *“Как нам поднять капремонт?”; “Разве мы потянем?”*
- “Ситуативные” активисты испытывают соблазн передоверить свои полномочия (и груз ответственности) третьему лицу (государству, управляющей компании, лидеру или инициативной группе). Этот соблазн тем более силен, что капремонт дома (основная забота самоуправляющихся домов) считается обязанностью государства, которое передало дом на самоуправление в ненадлежащем состоянии.
- Они испытывают удовольствие и радость от того, что расширили круг знакомств (*“Оказывается, очень много интересных и способных людей у нас в доме”*), что дом выглядит лучше (*“Пока есть силы, мы будем этим заниматься... потому что так приятно видеть, как дом сейчас выглядит, не стыдно принимать гостей”*), а также от того, что происходит вовлечение соседей в решение общих проблем, что формируется сообщество жителей (*“Вышли все на субботник, и такое ощущение, что впервые увидели друг друга!”*).
- Они начинают чувствовать себя достаточно компетентными, чтобы адекватно распорядиться своими полномочиями: *“Оказывается, я не только домохозяйка без опыта работы, я вникла во все эти дела, я сумела...”*

От фрейма “ситуативной” активности к фрейму долгосрочной активности

Укрепление нового – “активистского” – фрейма зависит от того, как долго человек остается активистом, как часто он взаимодействует с другими участниками процесса, насколько он убежден в полезности своих усилий и насколько

ко плотно он включен в общую деятельность. В обследованных нами четырех домах этот процесс проходил по-разному.

Применительно к дому, который перешел на непосредственное управление только в марте 2007 года, говорить об институционализации и переходе к фрейму долгосрочной активности пока рано. Спустя несколько месяцев после перехода деятельность активистов еще держалась на энтузиазме.

В остальных трех домах в той или иной степени наблюдался процесс институционализации, который проявлялся главным образом в консолидации “костяка” активистов и регулярном функционировании коллективного органа управления и принятия решений.

В наименьшей степени институционализация развита в доме, где самоуправление на практике осуществляется двумя людьми – мужем и женой – при поддержке жителей. В данном случае избранный “уполномоченный” дома (главное лицо в непосредственном управлении) организовал собственную фирму и взял на обслуживание еще четыре соседних дома. Таким образом, коллективный орган самоуправления свелся в этом случае к двум профессионалам, которые взяли на себя решение всех проблем. Опрос жильцов показал, что они довольны главным образом тем, что дом обслуживает “свой человек, а не чужой дядя”. Однако жильцы почти не чувствуют себя причастными к управлению. Их участие в управлении сводится главным образом к контролю над деятельностью уполномоченного и его супруги-бухгалтера, которых соседи воспринимают как новый вариант ЖЭКа.

Намного более развита институционализация в доме – “ветеране” движения, который находится в самоуправлении с конца 2005 года. Коллективный орган управления состоит из шести старших по подъездам, уполномоченной и бухгалтера. Старшие по подъездам вместе с уполномоченной по дому решают текущие вопросы, стараются “сглаживать” локальные конфликты. Главные решения, касающиеся всего дома, принимаются на общем домовом собрании, которое проводится раз в год. Но фактически люди встречаются гораздо чаще. Обход квартир показал, что уровень информированности и включенности большинства жильцов в процесс самоуправления весьма высок. На ежегодном общем собрании, состоявшемся 11 августа 2007 года, несколько часов, до поздней ночи, около сотни человек (в доме 98 квартир) разбирали отчет уполномоченной о проделанной работе и финансовый отчет ревизионной комиссии. Не обошлось без трений и конфликтов, но в результате были согласованы дополнительные правила функционирования самоуправления: чаще собираться, регулярно обнародовать финансовые отчеты. Главным показателем устойчивости сообщества является тот факт, что собираемость платежей здесь достигла почти 100% (деньги за жилищные услуги собирают наличными старшие по подъездам). Результат – осязаемое улучшение состояния дома, а также повышение уровня сознания не только активистов, но и остальных жителей – они “подтягиваются”, начинают сами заботиться о подъезде, дворе.

Вместе с тем складывается впечатление, что уполномоченная дома берет слишком много на себя и подавляет инициативу снизу. Однако не факт, что эта инициатива проявляется реально, а не только на словах.

Наконец, наибольшее внимание уделяется установлению правил самоуправления в четвертом доме, где члены инициативной группы после долгих обсуждений выбрали такую форму организации НУ, как общественный совет дома. Это неформальный (незарегистрированный) коллективный орган, в который входят представители от всех подъездов (больше 20 человек). Все члены избраны на собраниях подъездов и на общем собрании жильцов дома. Примечательно, что входят в совет не только собственники. *“Ведь квартиросъемщики тоже живут в доме, они же могут участвовать в его управлении”*, – объясняют члены инициативной группы. Члены совета собираются часто – чуть ли не еженедельно, и у каждого есть своя специализация и сфера ответственности. Кроме того, активисты целенаправленно пытаются включить как можно больше жильцов в процесс самоуправления. Здесь люди ориентированы на следование “букве закона” и пытаются заставить нанятую ими обслуживающую фирму (ЖЭК) действовать строго в рамках договорных отношений. Их собрания походят на военный совет: они долго обсуждают каждый шаг, чтобы не совершить ошибку и поступить максимально эффективно.

Как же видят ситуацию жилищные активисты? На наш взгляд, они прежде всего обращают внимание на три аспекта:

- формирование соседского сообщества, основанного на доверительных отношениях и соучастии в общем деле;
- восстановление дома;
- борьба за признание своих прав внешними акторами.

28–30 сентября 2007 года в Астрахани прошел Всероссийский конгресс жилищного движения России. В мероприятии приняли участие около 300 представителей самоуправляемых домов из 37 регионов. Принимающей стороной выступил Союз жителей Астрахани, объединяющий более 700 домов, перешедших в непосредственное управление.

ДЕКЛАРАЦИЯ КОНГРЕССА РОССИЙСКОГО ЖИЛИЩНОГО ДВИЖЕНИЯ

“Жилищное самоуправление – народный ответ на произвол чиновников и управляющих компаний!”

Мы, председатели ТСЖ и ЖСК, уполномоченные домов с Непосредственным Управлением, лидеры движений домкомов и активисты ТОСов, из разных регионов России, состоящие в разных политических и жилищных организациях, объединяемся в российское движение “СОЮЗ ЖИТЕЛЕЙ”, чтобы совместно отстаивать наши законные интересы и конституционные права на жилище, на землю, на благоприятную окружающую среду.

Мы считаем, что жилищное самоуправление – самая перспективная форма народовластия, сначала на уровне дома, далее на уровне района и города, а в будущем мы уверены, что и на уровне страны <...> Мы инициативные люди, сплоченные коллективы жителей, способные на деле отстаивать свои права. Мы прошли через первоначальную борьбу и знаем, как побеждать. Мы – наглядный пример того, что самоуправление – это возможно!

Не дайте собой манипулировать, возьмите инициативу на себя. Не верьте чужому дяде, верьте только в себя и собственные силы и способности жителей вашего дома! Возьмите дом на самоуправление, возьмите власть хотя бы в своем доме и присоединитесь к нам. Мы будем помогать друг другу, и все вместе мы создадим сильное движение.

Мы за ТСЖ и Непосредственное Управление, при условии, что они действительно созданы снизу по инициативе самих жителей.

В первую очередь, конечно, активисты занимаются тем, что восстанавливают свои дома – едва ли не половину времени в интервью занимают разговоры о трубах, стояках, крыше, подъездах и т. п. Однако результат оправдывает усилия – состояние всех домов после перехода на самоуправление улучшилось. Это отмечают жители, и этим очень гордятся сами активисты.

Однако внимание уделяется не только техническим аспектам. Все участники интервью указали на значимость улучшения социального климата для успеха общего дела. Поэтому они тратят много сил и энергии на смягчение конфликтов между жителями, пытаются убеждать, находить компромисс: *“С людьми надо работать, не ругаться”*. Активисты целенаправленно стремятся к тому, чтобы установить доверительные отношения с жителями, а также между самими жителями. Поэтому, например, они акцентируют внимание на том, что у них *“все прозрачно”, “все документально оформлено”*: *“Любой может прийти и проверить, сколько было собрано, сколько потрачено и на что”*. Они много общаются, коллективно обсуждают проблемы дома. Вознаграждением за этот труд они считают благодарность людей и проявление встречной инициативы (*“стали говорить спасибо”, “стали уже сами что-то делать, проявлять инициативу”*).

О третьем аспекте восприятия ситуации – взаимоотношениях с внешними агентами – мы уже говорили: это “война” с мэрией за получение бюджетных денег для капремонта, конфликты с ЖЭКом или коммунальными службами и т. п. Всем этим тоже занимаются активисты, которые уже стали “завзятыми”, “застряли” в активистской жизни. Для них уже не стоит вопрос, надо ли мне это или нет, – их активистский фрейм уже достаточно укрепился.

Рассмотрим некоторые характеристики фрейма долгосрочных активистов, которые мы извлекли из интервью и бесед с ними.

- Долгосрочные активисты противопоставляют себя – как группу – остальным; при этом возможна ностальгия по прежней, спокойной и простой, жизни обывателя. *“На основную массу жителей мы не возлагаем особенных надежд, мы выбрали в совет самых активных и способных и доведем дело до конца”*; *“Те, которые регулярно приходят на собрания, – они уже вроде бы активисты”*.
- Активистская деятельность становится частью определения своего “я”: они говорят о себе как об “активистах”, заявляют, что *“тяжело, конечно, но без этого было бы уже скучно”*.
- Они часто употребляют местоимение “мы”: “мы можем”, “мы должны”. *“В общественный совет дома входят представители от всех подъездов. Мы собираемся часто, каждый раз, когда необходимо, но каждое решение мы обязательно принимаем все вместе”*; *“Удивительно, но мы смогли самостоятельно содержать наш дом и мы начали его восстанавливать”*.
- Долгосрочные активисты идентифицируют себя с коллективом жильцов. *“Дом у нас – это уже одна большая семья”*; *“Мы уже знаем наших людей, знаем все их разборки”*.
- Они ценят взаимопомощь и солидарность, часто с радостью отмечают, что *“соседи, мужья помогают, поддерживают”*.
- Долгосрочные активисты меньше боятся ответственности, чем “ситуативные”. Они ведут себя более уверенно, проникаются сознанием собственного

права на что-то влиять. “Это налагает на нас обязательства – конечно, мы должны ответственно относиться друг к другу”.

- Они выходят за пределы частных интересов (ограниченных рамками семьи) и живут общими интересами жителей дома. “Свой дом – это уже как своя квартира”; “Мы вынуждены объединяться, и каждый должен заботиться о доме в целом, об общих местах”; “Мы привыкли, что все общее и не наше, теперь поняли, что общее – это наше”.

На этапе перехода к фрейму долгосрочной активности противодействие со стороны третьих лиц и внутренних противников теряет в силе воздействия, но не нивелируется совсем. Человек меньше обращает на него внимания, чувствует себя увереннее. Большую роль играет наличие поддержки, ощущение принадлежности к сплоченному коллективу или активистской сети.

Тем не менее обывательский фрейм остается привлекательным и удерживает в себе большинство жителей. Он более привычен и “нормален”, более “общественно признан”, тогда как активистский фрейм остается достаточно маргинальным. Если в Астрахани уже достигнута критическая масса, при которой житель может вполне комфортно себя чувствовать в роли активиста, то в целом по стране такая ситуация нетипична.

Что может обеспечить устойчивость активистского фрейма? На основе исследования в Астрахани можно выделить следующие условия.

- *Продолжительность* – долгосрочное участие человека в процессе самоуправления.
- *Доверие* – ощущение активистом доверия к себе со стороны жильцов, его доверие к жильцам.
- *Ratification (утверждение)* – ощущение активистом благодарности или признания со стороны жильцов.
- *Регулярность и постоянство взаимоотношений* с другими активными жителями дома – частое общение с ними, тесные межличностные связи.
- *Участие в коллективной разработке правил самоорганизации и самоуправления.*
- *Наличие коллективного органа управления* (совет дома, домком, объединение старших по дому и т. д.), который отличается от инициативной группы тем, что это уже не временный и не формальный коллектив; *эффективное и демократичное* (высокая степень прозрачности и открытости) *функционирование этого органа.*
- *Наглядные положительные результаты деятельности* – моральное удовлетворение от того, что дом лучше выглядит.
- *Достижение критической массы* – противники самоуправления остаются в меньшинстве и в изоляции.
- *Налаживание контактов с активистской сетью* за пределами дома.
- *Улучшение социального климата* в доме (снижение остроты противоречий между обывателями и активистами) – приносит чувство комфорта в среду обитания и активистской деятельности. Здесь большую роль играют поведенческие стратегии самих активистов: насколько они стремятся убеждать соседей, сглаживать внутренние конфликты.
- *Соучастие* – причастность каждого жителя к самоуправлению, вовлеченность в конкретную деятельность и внесение своего вклада.

- *Повышение статуса* – превращение домохозяек или ничем не примечательных жителей в активистов с определенным авторитетом.
- *Эмоциональный заряд* – сильные положительные эмоции от активистской деятельности (например, чувство радости при виде массового участия жителей в субботнике).
- *Борьба с препятствиями*, создаваемыми властью, коммунальными службами, ЖЭКом и т. п. Сопротивление сплачивает участников, стимулирует их активность, затрудняет уход из активистской деятельности: трудно покинуть поле борьбы, оставить других без поддержки.

Очевидно, что сочетание всех этих элементов в реальной жизни встречается крайне редко или даже вовсе не встречается (иначе в стране было бы уже мощное и массовое жилищное движение). Однако часть из них, в разных комбинациях, всегда в той или иной степени присутствует у того или иного сообщества активистов.

Самыми значимыми условиями институционализации активистского фрейма мы считаем два: наличие коллективного органа управления и формирование коллектива с высокой степенью солидарности.

На наш взгляд, залог успешности и устойчивости активистских практик – в прочности и обширности горизонтальных связей между соседями и в формировании сообщества жильцов. В исследованных нами домах в Астрахани такое сообщество сложилось, а горизонтальные связи были неплохо развиты. Этому способствовали совместные действия жителей по восстановлению домов, объединение усилий перед лицом внешних “враждебных сил”, а также целенаправленная деятельность активистов по развитию доверия. Для производства, и особенно для воспроизводства этой культуры, как это установлено теорией коллективных действий, нужно, чтобы фрейм-деятельность активистского сообщества включала в себя и “культурный фрейминг”, то есть целенаправленные действия по продвижению культуры доверия, причем таким образом, чтобы она могла быть понятной и привлекательной для других, чтобы она нашла общественный “отклик” и вошла в резонанс с установками целевой аудитории.

В итоге отметим, что астраханское “поле” дало нам прекрасную возможность осмыслить процесс становления активистов и фрейм-трансформации. Здесь сосредоточено множество условий, благоприятствующих активизации жителей. Расширяя перспективу, скажем, что теория фрейма была нами тестирована еще на других полях, и она нам кажется очень плодотворной для понимания и объяснения трудностей и возможностей превращения обывателей в активных граждан – особенно в таком обществе, как российское. ■

Литература

- Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: ИСПАН, Институт Фонда “Общественное мнение”, 2004.
- Хлотин А. Гражданское общество или социум клик: российская дилемма. Полития. 1997. № 3. С. 5–26
- McAdam D., McCarthy D., Zald M.N. (eds.) Comparative Perspectives on Social Movements. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996.
- Rhys H. William. The Cultural Contexts of Collective Actions: Constraints, Opportunities and the Symbolic Life of Social Movements, in D.A. Snow, S.A. Soule, H. Kriesi, The Blackwell Companion to Social Movements. Blackwell Publishing, 2004. P. 91-115.